

В. П. КОРЗУН

ЗАМЫСЕЛ ЕЩЕ НЕ ТОЧКА... СБОРНИК «РУССКАЯ НАУКА» В РЕАЛИЯХ СОЦИАЛЬНОГО ЭКСТРИМА¹

Размышление над книгой: Судьба проекта «Русская наука» 1916-1920 (К столетию Комиссии по изданию сборника «Русская наука»): Статьи и документы/ Отв. ред. чл.-корреспондент РАН Ю.М. Батулин; ред.-сост. В.М. Орел, Г.И. Смагина. СПб.; М., 2016. 848 с. Опубликованные статьи и документальные публикации позволяют представить один из первых науковедческих проектов в отечественной науке в контекстах развития мирового науковедения, экстремальных условий Первой мировой войны, революционного и постреволюционного периодов, внутринаучных процессов и практик, индивидуальных стратегий ученых.

Ключевые слова: история науки, русская наука, комиссия по истории знания, коммуникативное поле, школы в науке, международное сотрудничество

Историко-научный бум конца XIX – начала XX в. уже давно находится в фокусе внимания историографов, философов, науковедов, культурологов. На пике этого бума деятелями отечественной науки была предпринята логичная амбициозная попытка фиксации достигнутых итогов развития науки. Речь идет о запущенном в 1916 г. проекте сборника «Русская наука» и организации Комиссии по его созданию, которая становится самостоятельной институцией и начинает жить своей жизнью. Столетнему юбилею этих знаковых событий в дисциплинарном становлении истории науки в России посвящена рецензируемая книга «Судьба проекта “Русская наука”. 1916-1920 (К 100-летию Комиссии по изданию сборника “Русская наука”): Статьи и документы».

Редакторы-составители этого труда – известные исследователи истории науки – член-корреспондент РАН Ю.М. Батулин, доктор экономических наук В.М. Орел, доктор исторических наук Г.И. Смагина – попытались представить его максимально объемно, включая в исследовательское поле не только историко-научные достижения, классические образцы «резюмирования итогов» научного развития, но и замыслы, претендовавшие на эту роль – черновики истории науки. Это необходимо и оправданно – ведь речь идет о масштабной попытке научной саморефлексии, выяснения содержательно-рамочных характеристик отечественного научного поля самими деятелями науки начала XX в. Подобное, используя известную формулу канцелярита, «подведение итогов проделанной работы», исключительно важно для самоидентифи-

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-09-00397.

фикации российской науки, создания ее образа. Составители рецензируемого труда и представляют нам плод незавершенно-содержательной коллективной саморефлексии, «схваченного мгновения» истории отечественной науки, когда совокупность статей и набросков программно-теоретического и историографически-наукоедческого плана дает возможность представить наличное состояние отечественной науки в первые десятилетия XX века, исторический путь, который она прошла и те нормативно-регулятивные рамки, которые сложились на этом пути.

Книгу открывает предисловие, где формулируется цель издания – воссоздать, насколько это возможно, сборник «Русская наука» и проследить историю его создания, здесь же коротко характеризуются основные структурные элементы и источниковая база издания. Предисловие плавно перетекает в авторскую концепцию видения данного проекта как культурного феномена и как значимого этапа в дисциплинарном становлении в России истории науки, а в широком смысле – науки о науке (раздел «Сборник “Русская наука”»: замысел и опыт реализации»). Авторы обозначают различные контексты, в которых замысливался и реализовывался проект – внешнеполитические, внутринаучные, общекультурные, экзистенциальные. Такой ракурс нашел отражение в структурном построении раздела: в нем выделены подразделы: «Предыстория», «Идеи, витающие в воздухе», «Председатель Комиссии А.С. Лаппо-Данилевский», «Начало работы», «1918 год», «Председатель Комиссии С.Ф. Ольденбург», «В составе Комиссии по истории знаний» (речь идет о председательстве В.И. Вернадского), «Участники проекта», «Издание очерков». В следующем разделе помещен аннотированный список ста семи ученых, принимавших участие в проекте «Русская наука». Наконец, последний раздел представляет собственно макет запланированного издания – подготовленные очерки, скомпонованные по рубрикам: естественные науки, физико-математические науки, историко-филологические науки, философско-богословские науки. Всего представлено 17 очерков. Завершает подготовленную публикацию список сокращений и указатель имен. Издание снабжено иллюстративным материалом – рядом портретов выдающихся ученых – участников проекта, фотографиями титульных листов изданных работ по истории отдельных дисциплин и фото Малого конференц-зала Академии наук, где 25 февраля 1917 года состоялось первое организационное заседание Подкомиссии по изданию сборника «Русская наука». Этот визуальный ряд значим для современного читателя, создает эффект сопричастности «крупному разговору» и разбивает привычный образ юбилейного издания как памятника.

Отметим, что заслугой авторов/публикаторов является стремление к полноте источниковой базы – ее составляют как опубликованные ста-

ть программно-научоведческого плана, так и извлеченные из архивов (перечень последних впечатляет) заметки, наброски, переписка участников проекта. В рамках последнего вида источников науковедческая программность перетекает в конкретику исполнения. Корифеям историко-научной мысли приходилось заниматься «прозой жизни» – текущей организационной работой, налаживанием коммуникативных связей, подбором авторов, мотивацией на несвойственную многим из них историографическую рефлексию. Такой многосложный историографический источник, коим является рецензируемый труд, требует серьезного археографического комментария. К сожалению авторы ограничились кратким указанием на впервые публикуемые документы и уже введенные в научный оборот, со ссылками на источник цитирования. Принципы выборки источников оказались не прописанными. Датировка написания и поступления в Комиссию рукописей подготовленных очерков по большей части отсутствует, хотя отдельные сведения этого рода наличествуют в приводимых делопроизводственных материалах и переписке. Естественно, эти археографические недоработки затрудняют воссоздание целостной картины задуманного проекта.

Что же дает истории науки рецензируемая публикация? Ведь, казалось бы, многие документы и большая часть подготовленных текстов по истории отдельных дисциплин уже были знакомы читателю. Многие, но не все. Авторы впервые знакомят нас с рукописями Н.И. Кареева «Новая история»², А.А. Белопольского «Астрономия», А.И. Малейна «Латинский язык и литература», публикуют упомянутую рутинную переписку по организационным вопросам, новые материалы делопроизводственной документации институционального характера. В результате перед нами воочию предстает картина трудного и дискретного пути становления отечественного науковедения – отдельные ноты сливаются в аккорд, но аккорд, который зависает по разным причинам в воздухе, если говорить о судьбе сборника и судьбе отечественного науковедения. Это, во-первых, а во-вторых, представленный материал, собранный под одной «крышей» из мозаики сюжетов и фактов, разбросанных в различных изданиях сегментированного научного поля, дает читателю почву для рефлексии не только об особенностях складывания национальной науки и практиках отражения национального самосознания, но и о закономерностях возвратно поступательного движения некоторых идей в поле истории науки.

Характеризуя сборник как знаменательную веху в истории дисциплинарного становления отечественного науковедения, авторы показывают, как произошло его появление на перекрестке истории, пересече-

² Впервые ссылку на этот труд сделал В.П. Золотарев. См.: Кареев 1990. С. 363.

нии разноплановых исторических потоков. Повествование авторов, воспроизводя ход и последовательность работы по созданию сборника, позволяет осмыслить взаимодействие этих потоков. Показано как кризисная социальность времен Первой мировой войны и революции повлияла на возникновение и реализацию проекта, в то же время авторы обозначили и складывание внутренних потребностей научного сообщества в историко-научной рефлексии.

В конце концов непосредственным поводом к созданию сборника явилось предложение, сделанное в марте 1916 г. послом Великобритании в Петрограде о расширении научных связей между российскими и английскими учеными, встретившее сочувственный отклик и деятельную поддержку в отечественном научном сообществе. В том же марте 1916 года – практически синхронно в журнале «Русская мысль» появилась статья историка-эллиниста и археолога М.М. Ростовцева «Международное научное обозрение», в которой ставился вопрос о восстановлении нарушенных войной связей, а также о том, чтобы отечественная наука заняла «подобающее ей место в этом общении», «нынешние, надеюсь, постоянные союзники России познакомились с ее настоящей научной физиономией» (С. 11-12). По Ростовцеву, восстанавливаемое коммуникативное поле науки должно было стать неотъемлемой частью разумного послевоенного устройства мира. Намечается и частично реализуется масштабная программа по восстановлению этого поля – свидетельством тому является создание при Академии наук Комиссии по установлению более деятельных научных сношений между Россией и Англией (С. 13), предполагаемые дальнейшие практические шаги в обустройстве коммуникативного поля (переводы трудов отечественных ученых на ведущие европейские языки, обзоры библиографии и научной хроники, обменные поездки ученых и т.д). То есть обозначается то, что мыслилось уже в конце века, как универсализм научной деятельности и норма функционирования научного сообщества; позже эти идеи найдут свои завершающие формулировки в социологии науки Роберта Мертона (концепция «этоса науки»). И, наконец, как логическое завершение – попытка создания сборника статей по истории русской науки с интересной, расширительной мотивацией: «когда война ставит перед русскими учеными неотложную задачу осознать свои силы и цели, объединиться и действовать, одним из первых шагов (если не самым первым) на новом пути должен быть такой же обзор всего развития русской научной мысли, какой сделан французами в сборнике *La Science Française*». В этот же ряд следует поставить и вербализацию данного проекта летом 1916 года в Кембридже. Именно здесь Лаппо-Данилевский читает лекции по истории науки, которые легли в основу

большой статьи, по существу – монографии, вышедшей в 1917 г. на английском языке: «Development of Russian science and learning»³.

Ситуативная заданность проектно-концептуальных установок, благодаря публикациям в соответствующем разделе рецензируемого труда, очевидна. Но не только, да, пожалуй, и не столько ею определяется стремление российских ученых погрузиться в науковедение (свидетельство тому – приводимые в сборнике взаимодополняющие высказывания М.И. Ростовцева, В.И. Вернадского, А.С. Лаппо-Данилевского, В.Н. Бенешевича).

Разумеется, прежде чем транслировать целостную картину отечественного научного развития вовне, сначала надо ее создать – «выявить лицо русской науки как целого и для себя, и перед всем миром, определить характер, значение и место ее в общей экономии научного творчества» (С. 18-19). Идея «суммирования итогов» научного развития, как справедливо отмечают авторы, «естественным образом витала в воздухе и в отечественных академических кругах» (С. 22) и, в определенной степени, конкретно реализовывалась в очерках по русской науке на страницах «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона, научно-библиографических и научно-библиографических работ, справочных изданий и научных журналов. В известном смысле можно говорить о складывании некоего «метанарративного историко-научного пространства». В этом плане удачным представляется включение в сборник фрагмента очерка В.И. Вернадского о развитии историко-научных исследований в Академии наук «Работы по истории знаний», фрагмента, проясняющего не только социокультурные основания интереса к истории русской науки, но и новое концептуальное прочтение истории науки вообще, не сводимое к социальным детерминантам, акцентирующее ее включенность в общий культурный процесс. Последнее не единожды отмечали в отечественной историографии В.О. Ключевский, П.Н. Милоков, А.С. Лаппо-Данилевский, Н.И. Кареев, но Вернадскому удалось подняться на принципиально новый, ноосферный уровень осознания проблемы, обозначить тенденцию к «целокупному» восприятию / осмыслению «русского гения» (С. 234). Тем самым составители рецензируемого труда подчеркивают глубинную социально-культурную мотивацию проекта «Русская наука» и отвечают, по сути дела, на вопрос – насколько деятельность авторов сборника была адекватна этому запросу. Ими отмечены наиболее содержательно значимые моменты этой деятельности (создание подкомиссии по изданию сборника, роль возглавившего эту комиссию выдающегося ученого и историка науки А.С. Лаппо-Данилевского, создание плана сборника и привлече-

³ Lappo-Danillevskky 1917.

ние к сотрудничеству «всего цвета интеллигенции», плодотворная работа во все усложняющихся условиях в 1917–1920 гг., передача эстафеты Комиссии по истории знаний во главе с Вернадским, подготовка и частичное издание в 1920–1928 гг. очерков, предназначенных для сборника «Русская наука»). Правда, авторы акцентируют идею преемственности, хотя приводимый ими материал свидетельствует и о принципиальных разрывах и переформатировании первоначальной концепции, что предполагает дальнейшее осмысление динамики и институционального строительства и тенденций развития науки в период между двумя мировыми войнами.

Формулировку теоретико-методологического наполнения, характерологических особенностей науковедческого подхода взял на себя А.С. Лаппо-Данилевский. Но рецензируемая книга не дает нам представления о его науковедческой концепции. Можно предположить, что авторский коллектив был озадачен сомнениями – опубликовать или не опубликовать концептуальную статью Лаппо-Данилевского, даже в виде отдельных ее фрагментов. Дело в том, что историко-научные взгляды историка уже достаточно полно представлены в работах современных исследователей⁴, весьма симптоматично и то, что в параллель с подготовкой юбилейного сборника в 2015 г. был опубликован перевод работы Лаппо-Данилевского с комментариями С.С. Илизарова⁵. Так что в известной степени эти обстоятельства – своеобразное алиби публикаторов. Ну, а читателю стоит изучать данные тексты в единстве.

Резюмируя поиски Лаппо-Данилевского, выделим основной комплекс его идей историко-научного плана. Наука рассматривается историком 1) как единство логического и исторического развития; 2) вписывается в общий ход культуры и образования, ставится проблема ценностного отношения к науке; 3) актуализируется значение личности ученого; 4) ставится проблема научных коммуникаций и значимости научных обменов; 5) предпринимается попытка выявить специфику национальных историй и осмыслить саму дефиницию «Русская наука».

Безусловной новацией авторов можно считать внимание к стратегиям внедрения данной концепции в практику исследования русской науки. Со свойственным Лаппо-Данилевскому стремлением к научной строгости, с нацеленностью на преобразование интеллектуально-очевидного в научно-проясненное, он формулирует конкретные задачи перед авторами предполагаемых очерков. Его интересует общая карти-

⁴ Есаков 2011. С. 17-54; 1997.С. 129-139; Корзун 1996. С. 255-263; 2000. С. 135-150; 2015. С. 124-131; Тункина 1999. С. 182-194; 2003. С. 637-659; Илизаров 2001. С. 353-363; Dmitriev 2010; Басаргина 2013.

⁵ Лаппо-Данилевский А.С. 2015.С. 5- 61.

4 Илизаров С.С. 2015. С. 63-102.

на развития русской науки, сходство и особенности русской научной мысли сравнительно с западноевропейской. Развитие науки предлагалось анализировать по научным дисциплинам – возможно менее дробным, по направлениям, выделяя «преемство каждого из важнейших направлений», по школам и их традициям. «Нежелательно» по Лаппо-Данилевскому ставить во главу традиционный биографический подход и рассматривать развитие науки «по лицам», т.е. персоналиям. Но этот фактор отнюдь не игнорируется ученым. Разумеется, «лица и учреждения», персоналии и научные институты, биографический и библиографический аспекты, по Лаппо-Данилевскому, тоже составляют предмет познавательного интереса историка науки. Важность всестороннего освещения личностного аспекта истории науки подчеркивается тем вниманием, которое уделяет историк неизбежной в условиях войны с Германией проблеме – в какой мере и каким образом освещать персональный вклад немецких ученых в развитие русской науки. Предполагалось рассматривать также и институциональную составляющую развития науки: «если общество, лаборатория или опытная станция, музей, архив или библиотека становятся гнездом целого направления, то упомянуть» (С.179). По сути дела, Лаппо-Данилевским, ставился вопрос о генезисе русской науки и научного сообщества в тесной связи с институционализацией и общим культурным контекстом.

Для читателя открывается возможность проанализировать, в какой мере методологическим установкам, сформулированным Лаппо-Данилевским в абстрагированном варианте, соответствует науковедческая конкретика, отраженная в отдельных очерках. То есть, публикаторы провоцируют проблему зарождения и рецепции науковедческих идей, а это уже новое проблемное поле весьма перспективное в плане осмысления становления науковедения в отечественной традиции и трудного синтеза гуманитарных и естественнонаучных практик в данной области (сошлемся на небесспорные публикации Н.Л. Гиндилис)⁶.

Весьма показателен в этом плане очерк Н.И. Кареева «Новая история» – о процессе дисциплинарного становления новистики в России. Его текст в основном отражает программные установки Лаппо-Данилевского, одобренные Комиссией по изданию сборника, хотя возникает вопрос: в какой мере это результат непосредственной рецепции, а в какой – самостоятельного историографического анализа и осмысления собственного опыта участника дисциплинарного сообщества. В пользу последнего свидетельствуют историографические исследования Кареева, написанные задолго до появления очертаний проекта, особый интерес представляют его программные предложения в связи с подготов-

⁶ Гиндилис 2011; 2012; 2013.

кой к IV Международному конгрессу историков. Как отмечает Г.П. Мягков, исходя из опыта предыдущих международных исторических конгрессов, Н.И. Кареев еще в 1913 г. предложил «составить и издать к конгрессу... своего рода путеводитель – по русской исторической науке, с которой на Западе так мало знакомы»⁷. Историк был озабочен созданием образа национальной науки.

В первой половине XX в. в мировой и отечественной науке наблюдается ситуация «пульсирующего науковедения», когда чередуются впечатляющее расширение и обескураживающее сужение, «усыхание» науковедческого сегмента поля науки, что отражало меняющиеся образы науки: переход от «классики» с характерными для нее холизмом и историцизмом – к неклассической модели исследования. Впечатляющим проявлением пульсации со знаком плюс и был проект сборника «Русская наука», оставшийся, увы, незавершенным, но сыгравший важную роль в создании определенной культурной и научной традиции. О возможности и важности формирования такой культурно-ценностной традиции даже в условиях авторитарных режимов пишет уже упомянутый Ив Жэнгра⁸. Вопрос о линиях связи науковедения первых десятилетий XX века с советской науковедческой классикой 1960–1970-х гг. и когнитивными поисками последующих периодов практически не осмыслен в качестве самостоятельной научной проблемы. Рецензируемая публикация стимулирует обращение к указанной проблематике, придает сборнику «Русская наука» и проекту в целом вторую жизнь. И за это большое спасибо авторам / публикаторам.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Басаргина Е.Ю. А.С. Лаппо-Данилевский – почетный доктор права Кембриджского университета // КЛИО: журнал для ученых, 2013 № 12. С. 57-60.
- Гиндилис Н.Л. Науковедение 70-х гг. XX века // Науковедческие исследования / отв. ред. А.И. Ракитов. М.: РАН ИНИОН, 2012. С. 161–215.
- Гиндилис Н.Л. Становление науковедения в СССР (середина 60-х годов XX в.) // Науковедческие исследования / отв. ред. А.И. Ракитов. М.: РАН ИНИОН, 2011. С. 217–272.
- Есаков В.Д. Идея науки у А.С. Лаппо-Данилевского // Научное сообщество историков России: 20 лет перемен. М.: АИРО-XXI, 2011. С. 17-54.
- Есаков В.Д. Неосуществленный проект Академии наук // Вестник РАН. – М. 1997. – Т. 67, №12. – С. 1129-1139.
- Ив Жэнгра. Социология науки / пер. с фр. С.А. Гашкова; под. ред. О.И. Кирчик; М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 111 с.
- Илизаров С.С. А.С. Лаппо-Данилевский-историк науки / Архив истории науки и техники/ Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. М.: Наука, 1995. Вып. V(XIV). М.: «Янус-К», 2015. С. 63-102.
- Илизаров С.С. О доминантах российской историографии науки // Принципы историографического естествознания: XX в. СПб, 2001, С. 353-363.

⁷ Цит. по: Мягков Г.П. 2009. С.31.

⁸ Ив Жэнгра 2017. С. 21.

- Кареев Н.И. Прожитое и пережитое / подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В.П. Золотарева. Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1990. 384 с.
- Корзун В.П. Концепция истории науки в работе А.С. Лаппо-Данилевского "Development of Russian sciens and Learning" // Вестник Челябинского университета. История. № 6 (361), 2015. С. 124-131.
- Корзун В.П. Невостребованное наследие: (Материалы по истории науки в архиве Лаппо-Данилевского) // Археографический ежегодник за 1994 год. М., 1996. С. 255-263.
- Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX-XX вв. Екатеринбург; Омск, 2000. С.135-150.
- Лаппо-Данилевский А.С. Развитие науки и учености в России (Публикация С.С. Илизарова и М.М. Клавдиевой) / Архив истории науки и техники/ Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. М.: Наука, 1995. Вып. V(XIV). М.: «Янус-К». 2015. С. 5-61.
- Мягков Г.П. Сложилось ли научное сообщество историков в дореволюционной России? (по материалам подготовки к IV Международному историческому конгрессу) // Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия. – М.: ИВИ РАН, 2009. С. 29–32.
- Тункина И.В. К истории сборника «Русская наука» // Комиссия по истории знаний (1921–1932): Из истории организации историко-научных исследований и Академии наук. Сб. документов. СПб., 2003. С. 637-659;
- Тункина И.В. О проекте многотомного издания по истории русской науки (1916–1930 гг.) // Петербургская Академия в истории академий мира. СПб., 1999. Т. 1. С. 182-194.
- Dmitriev A. La «science nationale» et importations culturelles: Aleksandr Lappo-Danilevskij, le premier Pitirim Sorokin et Mihail Gruševskij, entre histoire et sociologie // Cahiers du Monde russe. Vol. 51. № 4. Octobre-décembre 2010. P. 599-627.
- Lappo-Danillevskyy A.S. Development of Russian science and learning // Russian Realities and Problems / Ed. by J.D. Duff. Cambridge, 1917. 170 p.

REFERENCES

- Basargina E.YU. A.S. Lappo-Danilevskiy – pochetnyiy doktor prava Kembrijskogo universiteta // KLIO: jurnal dlya uchenyih, 2013 № 12. S.57-60;
- Gindilis N.L. Iz istorii sovetskogo naukovedeniya: 80-e godyi // Naukovedcheskie issledovaniya / otv. red. A. I. Rakitov. M.: RAN INION, 2013. S. 171–214.
- Gindilis N. L. Naukovedenie 70-h gg. HH veka // Naukovedcheskie issledovaniya / otv. red. I. Rakitov. M.: RAN INION, 2012. S. 161–215.
- Gindilis N.L. Stanovlenie naukovedeniya v SSSR (seredina 60-h godov HH veka) // Naukovedcheskie issledovaniya / otv. red. A. I. Rakitov. M.: RAN INION, 2011. S. 217–272.
- Esakov V.D. Ideya nauki u A.S. Lappo-Danilevskogo // Nauchnoe soobschestvo istorikov Rossii: 20 let peremen. M.: AIRO-XXI, 2011. S. 17-54.
- Esakov V.D. Neosuschestvlenyyi proekt Akademii nauk // Vestn. RAN. M. 1997. T. 67, № 12. S. 1129-1139.
- Iv Jengra. Sotsiologiya nauki / per. s fr. S.A. Gashkova; pod. Red. O.I. Kirchik; M.: Izd. Dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2017. 111 s.
- Iizarov S.S. A.S. Lappo-Danilevskiy-istorik nauki / Arhiv istorii nauki i tehniki/ In-t istorii estestvoznaniya i tehniki im. S.I. Vavilova RAN. M.: Nauka, 1995- Vyip. V(XIV). M.: «YAnus-K», 2015. S. 63-102.
- Iizarov S.S. O dominantah rossiyskoy istoriografii nauki // Printsipy istoriograficheskogo estestvoznaniya: XX v. SPb, 2001. S. 353-363.
- Kareev N.I. Projitoe i perejitoe. podgot. teksta, vstup. st. [s. 5-45] i komment. V. P. Zolotareva. Leningrad: Izd-vo LGU, 1990. 384 s.
- Korzun V.P. Kontseptsiya istorii nauki v rabote A.S. Lappo-Danilevskogo "Development of Russian sciens and Learning" // Vestnik Chelyabinskogo universiteta. Istoriya. №6 (361), 2015. S. 124-131.

- Korzun V.P. Naukovedcheskaya kontseptsiya Lappo-Danilevskogo: (K istokam kulturologicheskikh issledovaniy nauchnogo znaniya) //Kultura i intelligentsiya Rossii meжду rubejami vekov. – Omsk, 2003. – S.46-50.
- Korzun V.P. Nevostrebovannoe nasledie: (Materialy po istorii nauki v arhive Lappo-Danilevskogo) // Arheograficheskiy eжegodnik za 1994 god. – M., 1996. – S. 255-263.
- Korzun V.P. Obrazy istoricheskoy nauki na rubeje XIX-XX vv. Ekaterinburg; Omsk, 2000, S.135-150.
- Lappo-Danilevskiy A.S. Razvitie nauki i uchenosti v Rossii (Publikatsiya S.S. Ilizarova i M.M. Klavdievoy) /Arhiv istorii nauki i tehniki/ In-t istorii estestvoznaniya i tehniki im. S.I. Vavilova RAN. M.: Nauka, 1995. Vyp. V(XIV). M.: «YAnus-K».2015. S. 5- 61.
- Myagkov G.P. Slojilos li nauchnoe soobshchestvo istorikov v dorevolyutsionnoy Rossii? (po materialam podgotovki k IV Mejdunarodnomu istoricheskomu kongressu) // Soobshchestvo istorikov vysshey shkoly Rossii: nauchnaya praktika i obrazovatel'naya missiya. – M.: IVI RAN, 2009. – S. 29–32.
- Rostovtsev E.A. Deyatel'nost A.S. Lappo-Danilevskogo v Rossiyskoy akademii nauk // Istochnik. Istorik. Istoriya. SPb., 2001. Vyp. 1. S.135-248;
- Tunkina I.V. K istorii sbornika «Russkaya nauka» // Komissiya po istorii znaniy (1921-1932): Iz istorii organizatsii istoriko-nauchnykh issledovaniy i Akademii nauk. Sb. dokumentov. SPb., 2003. S. 637-659.
- Tunkina I.V. O proekte mnogotomnogo izdaniya po istorii russkoy nauki (1916-1930 gg.) // Peterburgskaya Akademiya v istorii akademi'y mira. SPb., 1999. T. 1. S. 182-194.
- Dmitriev A. La «science nationale» et importations culturelles: Aleksandr Lappo-Danilevskij, le premier Pitirim Sorokin et Mihail Grusevskij, entre histoire et sociologie // Cahiers du Monde russe. Vol. 51. № 4. Octobre-décembre 2010. P. 599-627.
- Lappo-Danillevskiy A.S. Development of Russian science and learning // Russian Realities and Problems / Ed. by J.D. Duff. Cambridge, 1917. 170 s.

Корзун Валентина Павловна, доктор исторических наук, профессор, кафедра современной отечественной истории и историографии, Омский государственного университета им. Ф.М. Достоевского; korzunv@mail.ru

The intention is not a completed work yet...

Collection of article “Russian science” in the realities of social extreme

Reflection on the book: The fate of the project “Russian Science” 1916-1920 (On the centenary of the Commission for the publication of the collection of “Russian Science”): Articles and documents / Otv.red. Corresponding Member of RAS Yu.M. Baturin; Red.-sost. V.M. Orel, G.I. Smagina. St. Petersburg; M., 2016. 848 p. The published articles and documentary publications make it possible to present one of the first science projects in the Russian science in the context of the development of world science, the extreme conditions of the First World War, the revolutionary and post-revolutionary periods, the intra-scientific processes and practices, and the individual strategies of scientists.

Keywords: history of science, Russian science, commission on the history of knowledge, communication field, scientific community, schools in science, international cooperation

Valentina Korzun, Dr.Sc. (History), Professor, Omsk State University named after F.M. Dostoyevsky. korzunv@mail.ru